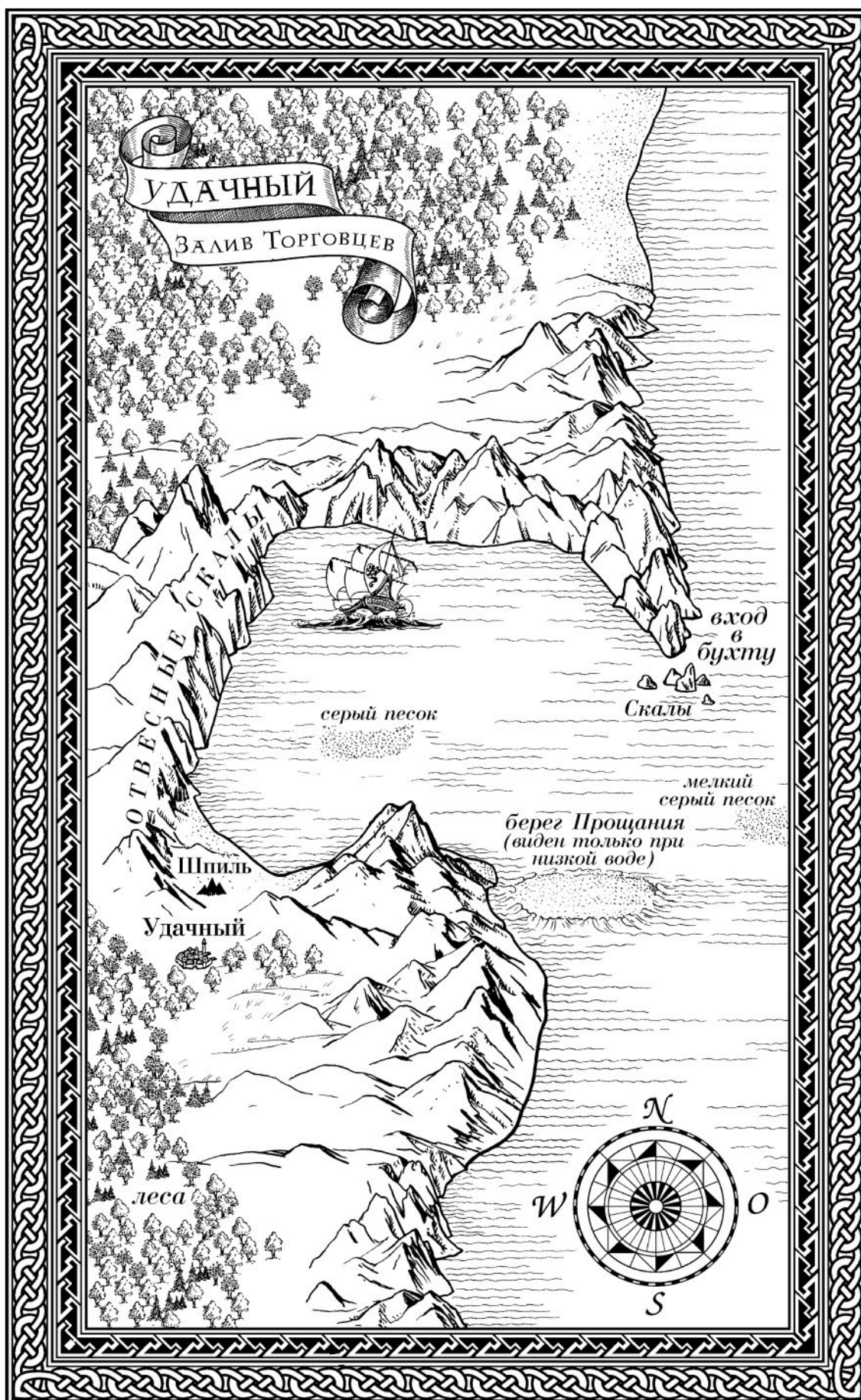

*Эта книга посвящается Джейн Джонсон
и Энн Гроэл, чья неусыпная забота
не позволяла автору расслабляться*

ПРОКЛЯТЫЕ БЕРЕГА

От Джамелии к Удачному)

**Пиратские
острова**
(точное
местоположение
неизвестно)

Гнилая
вода

Коготь-
остров

Удачный

Глинистый
остров

С т е н а

камни

залив
Торговцев

Папоротниковый
остров

Старушечий
остров

Рассыпанные
острова

Тощие
острова

Д и к о е м о р е

Пролог ТА, КТО ПОМНИТ

Она пыталась представить себе, что это значит — быть совершенной. Необремененной изъяснами...

В тот день, когда она вылупилась, она оказалась схвачена еще прежде, чем успела переползти по песку и попасть в прохладные соленые объятия моря. Та, Кто Помнит, не зря носила свое имя: она была обречена с ужасающей ясностью помнить мельчайшую подробность того невеселого дня, ибо память была главнейшим ее свойством, да что там — основным оправданием ее существования. Она была сосудом воспоминаний, живым хранилищем памяти. И не только о собственной жизни, хотя бы даже и с момента первоначального образования зародыша в яйце. Та, Кто Помнит, несла в себе воспоминания почти бесконечной цепи жизней, происходивших прежде нее. Яйцо — морская змея — кокон — дракон... и снова яйцо. Они все были в ней, все ее предки. Не каждой морской змее доставались подобный дар и подобное бремя. Таких, как она, хранящих совокупную историю своего рода, всегда было не много. Но большого числа никогда и не требовалось.

А ведь она родилась совершенной. Крохотное тельце было гладким и гибким, и безупречные чешуйки покрывали его. Она выбралась из яйца, взрезав кожистую скорлупу особым шипом, которым была снабжена ее мордочка. Надо сказать, что она немного припозднилась с рождением. Остальной выводок уже высвободился и уполз в воду, испещрив прибрежный песок извилистыми следами — готовая тропа, по которой ей оставалось только проследовать. Море властно манило ее к себе каждым вздохом прибоя, каждым всплеском волны. И она отправилась в путь, ерзая по сухому песку под лучами палящего солнца. Она уже обоняла, уже чувствовала во рту вкус морской соли, уже совсем рядом были солнечные блики, плясавшие на волнах...

Но ей так и не удалось завершить свое первое путешествие.
Ее обнаружили Богомерзкие.

Они окружили ее, загородив своими тяжеловесными тушами путь к манящему океану. Ее подняли с песка и поместили в пещерный пруд, наполнявшийся во время прилива. И стали держать там, кормя мертвечиной и не позволяя поплавать на свободе. Она так ни разу и не пропутешествовала со своим народом в теплые южные моря, столь изобилующие пищей. Не обрела телесной силы и крепости, которую дает вольная жизнь. Но природа все же брала свое, и она росла и росла, пока пруд, выдолбленный в каменных скалах, не превратился для нее в тесную лужу. Воды в этой луже едва хватало, чтобы смачивать ей жабры и чешую, да и что это была за вода, наполовину состоявшая из ее собственного яда и телесных отходов. А легкие даже не могли толком расправиться внутри туго свернутого тела.

Вот так она и жила — пленница в застенке у Богомерзких.

Сколько долго ей пришлось там томиться? У нее не было никакой меры времени, ясно было лишь одно: ее плен продолжался несколько жизней обычных представителей ее рода. Вновь и вновь чувствовала она властный позыв отправиться в путешествие и не находила покоя, изнемогая от необходимости странствовать и невыносимого желания увидеться со своими. Ядовитые железы в глубине ее горла распухали, мучительно переполняясь. Она едва не сходила с ума от воспоминаний, которые рвались наружу, требуя выхода. Она билась в своем узилище, замышляя беспощадную месть Богомерзким, державшим ее здесь. Жгучая ненависть к тюремщикам и так составляла обычный фон ее мыслей, но в подобные периоды это чувство достигало небывало яростной остроты. Переполненные железы источали в воду наследную память, она барахталась в сплошном яде, вдыхая и выдыхая мириады воспоминаний.

И вот тогда-то к ней приходили Богомерзкие.

Они заполняли ее темницу, доставали воду из каменного пруда и напивались допьяна. А потом выкрикивали друг дружке сумасшедшие пророчества да просто бесились и буйно бредили в лучах полной луны.

Они крали память ее народа. И на основе этой краденой памяти силились заглянуть в будущее.

...А потом ее освободил этот двуногий — Уинтроу Вестрит. Он приехал на остров Богомерзких, чтобы собрать для них сокровища, вынесенные морем на береговой песок. Взамен он ждал от них прощания. Даже теперь, стоило Той, Кто Помнит, лишь подумать об этом, как ее гриву встопорщивал прилив яда. Богомерзкие проро-

чувствовали только тогда, когда могли унюхать облик будущего в том прошлом, которое похитили у нее. Они ведь не обладали истинным даром Видения. Если б знали, думалось ей, небось смекнули бы, что вместе с двуногими к ним явилась погибель! И непременно остановили бы Уинтроу Вестрита. Ан нет — ведь смог же он ее отыскать и освободить...

Между прочим, неожиданный освободитель был для нее загадкой. Она соприкоснулась с ним кожей, их воспоминания смешались благодаря ее ядам. И все равно она никак не могла взять в толк, что же подвигло двуногого выпустить ее на свободу. Он был из породы мгновенно живущих. Его воспоминания были такими короткими, что большинство даже не запечатлелось в ее сознании. Зато она почувствовала его участие, сострадание и душевную боль. Она поняла: он рисковал своим кратковременным существованием ради того, чтобы вернуть ей свободу. И ее растрогало мужество, присущее, оказывается, созданию, столь мимолетно приходящему в этот мир. И она поубивала Богомерзких, пытавшихся захватить ее и Уинтроу. А потом, когда Уинтроу и другие двуногие готовы были погибнуть в бушующем море, она помогла им вернуться к себе на корабль...

Та, Кто Помнит, широко распахнула жабры, вбирая тайну, несомую волнами. Итак, она вернула маленького двуногого на корабль, чтобы неожиданно обнаружить, как манит и пугает ее этот самый корабль. Вот он впереди — серебристая тень возле поверхности. Вода напитана его тревожащим ароматом. Та, Кто Помнит, продолжала следовать за ним, вбирая нечто смутное, порождающее зыбкие тени воспоминаний.

От корабля пахло не так, как положено пахнуть обычному кораблю. Это был безошибочно узнаваемый запах ее племени! Вот уже двенадцать приливов плыла она за ним следом, но так и не приблизилась к разгадке и не поняла, как подобное вообще может быть. А ведь она хорошо знала, что такое корабль. У Старшего народа были корабли, но ничего общего с тем, что она видела и обоняла сейчас. Ее предкам-драконам — а могли ли солгать их воспоминания? — часто доводилось скользить в небесах над кораблями, игристым взмахом крыла заставляя крохотные скорлупки неистово раскачиваться.

Да. Те корабли не были чудом. А этот был.

Каким образом корабль может пахнуть морской змеей? Да еще и не просто змеей? Его запах был запахом Той, Кто Помнит, и объяснения этому не существовало.

Между тем змею снедало острое чувство долга, потребность более острая, нежели голод или стремление найти себе пару. *Тебе пора!* — властно звучал внутренний голос. — *Более того: ты можешь опоздать!*

Ей непременно следовало быть сейчас со своим народом. Вести их вековым путем, бережно хранимым в ее воспоминаниях. Подпитывать их менее стойкую память своими могучими ядами, способными пробудить то, что дремлет в их собственных душах.

Зов рода кипел в крови Той, Кто Помнит. Пришло время меняться — и ничего нельзя с этим поделать. Она в который раз прокляла уродство своего зелено-золотого тела, столь неуклюже дергавшегося в воде. Долгое заточение лишило ее выносливости, на- сущно необходимой теперь. Ей проще было плыть в кильватере¹ корабля, чье движение увлекало ее вперед.

Жизни, как правило, нет особого дела до наших желаний, и Той, Кто Помнит, пришлось уговаривать свою совесть. Она будет следовать за серебряным кораблем, пока тот движется в более-менее подходящем ей направлении. Это поможет ей приноровиться к длительному плаванию, выработать силу и выносливость, которых ей так сейчас недостает. Заодно она сможет поразмыслить о тайне этого корабля и разгадать ее, если получится. Но отвлечь себя от жизненно важной цели она этой тайне нипочем не позволит. Ближе к берегу она покинет корабль и займется поисками родни. Она разыщет змей по запаху и поведет их к устью великой реки, в верховьях которой расположены чудесные грязевые поля. Будут устроены ко- коны... и через год, примерно в это же время, юные драконы впервые станут пробовать крылья.

Эту клятву она твердила про себя все двенадцать приливов, пока следовала за кораблем. А когда вода прибывала в тринадцатый раз, ее слуха достиг звук, от которого у Той, Кто Помнит, чуть не разорвалось сердце.

Где-то затрубил морской змей!

Она немедленно покинула кильватерную струю корабля и нырнула вниз, уходя от отвлекающих голосов волн на поверхности. И прокричала в ответ, а потом неподвижно повисла в воде и замерла, вслушиваясь.

¹ *Кильватер* — след на воде после прохождения судна. Следовать в кильватере, в кильватерном строю — имеется в виду расположение движущихся кораблей таким образом, что линия строя совпадает с линией курса. (Здесь и далее — примечания переводчика.)

Но кругом была лишь тишина.

Разочарование было безмерным. Неужели она обманулась? В темнице у Богомерзких она временами принималась истошно кричать, выплескивая свое горе, так что под сводами подземелья звенело многократное эхо ее отчаянных воплей. Подумав об этом, Та, Кто Помнит, даже ненадолго зажмурилась. Нет, она не будет мучиться самообманом. Она вновь широко раскрыла глаза. Она была, как прежде, одна.

Змея решительно устремилась в погоню за кораблем, успевшим уйти вперед. Его запах давал ей хотя бы тень ощущения товарищества в пути.

Случившаяся заминка вновь болезненно напомнила ей о слабости ее тела, жестоко изувеченного заточением. Потребовалась вся ее воля, чтобы победить усталость и принудить себя двигаться вперед со всей быстротой. А мгновением позже...

Мгновением позже вся ее усталость бесследно исчезла. Ибо мимо нее, точно мимолетная вспышка, пронесся белый змей.

Кажется, он вообще не заметил ее, целенаправленно стремясь за серебряным кораблем. Наверное, подумалось ей, его запутал странный запах, исходящий от этого судна! Ее множественные сердца неистово застучали.

— Я здесь! — прокричала она ему вслед. — Сюда! Я здесь! Я Та, Кто Помнит, я наконец-то вернулась!

Но белый даже не обернулся. Он стремительно удалялся, его мощное тело без усилия струилось в толще воды. Та, Кто Помнит, смотрела ему вслед, не в силах поверить своим глазам. Потом кинулась догонять, окончательно забыв про усталость. Только дышать почему-то сделалось совсем тяжело.

Она обнаружила его в тени, которую отбрасывал серебристый корабль. Змей скользил в столбе затененной воды совсем рядом с его днищем, без умолку бормоча и поскуливая, словно бы разговаривая с близкими досками... вот только в его бормотании ничего понять было нельзя. Его ядовитая грива была отчасти встопорщена, так что в воде оставался слабый след источаемых соков. Та, Кто Помнит, следила за его бессмысленными движениями, и в ее душе нарастал медленный ужас. Все ее чувства, все инстинкты вплоть до самых глубинных буквально криком кричали, предупреждая об опасности. Потому что, похоже, ей пришлось столкнуться с сумасшедшим.

Но как бы то ни было, он оказался самым первым соплеменником, увиденным ею с момента рождения. И родственное чувство

все-таки пересилило отвращение и страх. Она осторожно подобралась ближе.

— Приветствую тебя, — произнесла она робко. — Не ищешь ли ты Ты, Кто Помнит? Если это так, я перед тобой.

Громадные алые глаза враждебно сверкнули в ответ, могучие челюсти предупреждающе клацнули.

— Мое! — прозвучал хриплый рык. — Мое! Моя еда! — И он прижал вздыбленную гриву к корпусу корабля, поливая его текущими ядами. — Корми! — потребовал он затем. — Дай жрать!

Та, Кто Помнит, шарахнулась прочь. Белый продолжал нагло тереться о серебристые доски. Восприятия Той, Кто Помнит, достигло смутное эхо беспокойства, исходившее от корабля. Странно... Все происходившее было подозрительно похоже на сон. И, как положено сновидению, содержало дразнящие намеки на нечто важное, когда кажется, еще миг — и поймешь, что к чему. Неужели корабль в самом деле отзывался на яды и вопли белого змея? Нет, нет, невозможно.

Их всех просто дурачил странный и дурманящий запах, исходивший от корабля.

Та, Кто Помнит, расправила гриву, чувствуя, как наливаются мощными ядами все ее волосы. Это придало ей уверенности. Она вновь приблизилась к белому змею. Он был крупней и наверняка сильнее ее, у него было могучее тело опытного бойца. Но не в том дело: она знала, что способна убить его. Да, она, немощная калека, вполне могла парализовать его своим ядом и отправить на дно.

Подумав об этом, она вдруг поняла, что способна даже на большее. Она может *просветить* его... и оставить в живых.

— Слушай же меня, белый змей! — протрубила она. — Я поделюсь с тобой памятью, я передам тебе воспоминания нашего рода, и они помогут тебе восстановить утраченное. Готовься же воспринять мой подарок!

Он не обратил на ее слова никакого внимания и даже не подумал готовиться, но это не имело значения. Она исполняла свое предназначение. То, ради чего когда-то вылупилась из яйца. Он будет самым первым восприемником ее дара, и не важно, вольным или невольным. Она ринулась к нему со всей быстротой, какую могла выжать из своего не очень-то послушного тела. Он решил, будто она нападает, и повернулся к ней с развернутой гривой, но какое ей было дело до его слабеньких ядов? Налетев, она обвила его и одновременно тряхнула гривой, высвобождая самые могучие и действенные соки, самые сокровенные, способные тотчас захва-

тить его сознание и раскрыть тайную память, гораздо более давнюю, чем накопленная его собственной жизнью. Белый отчаянно забился, но скоро замер в ее хватке длинным неподвижным бревном. Рубиновые глаза так и не закрылись веками, лишь таранились от пережитого потрясения. Последняя попытка сделать судорожный вздох — и он стал полностью неподвижен.

Теперь она могла только поддерживать его. Она обняла его, продолжая медленно плыть. Корабль начал постепенно отдаляться от них, но она следила за ним почти без сожаления. Этот змей в ее объятиях был гораздо важнее любых тайн, которые уносило с собою судно двуногих. Она бережно поддерживала его, изгибая шею, чтобы заглянуть ему в глаза. Вот они замерцали и опять замерли. Ей показалось, будто миновала тысяча жизней. Он вдыхал и впитывал воспоминания своего рода. Она дала ему насытиться воспоминаниями, а потом осторожно обволокла пленника успокаивающими соками, которые позволили тайной памяти отступить назад в глубину, выпуская на первый план воспоминания его коротенькой жизни.

— Помни, — тихо выдохнула она, налагая тем самым на него ответственность за возвращенное наследие предков. — Помни — и будь.

Некоторое время белый змей по-прежнему вяло обвисал в ее кольцах. Но вот по его телу прошла слабая дрожь: он вернулся к настоящему, к собственной жизни. Вот его глаза замерцали, завращались; взгляды встретились. Он вскинул голову. Она ждала благоговейной признательности, но...

Он смотрел на нее так, словно она была в чем-то перед ним виновата.

— Почему? — требовательно спросил он, застав ее совершенно врасплох. — Почему тебе понадобилось делать это сейчас? Теперь, когда слишком поздно? Я мог спокойно умереть, так и не догадавшись, кем и чем мог бы стать. Почему ты не позволила мне остаться бессмысленным зверем?

Эти слова так потрясли ее, что она попросту выпустила его из объятий. Он негодуяще высвободился и стрелой улетел прочь сквозь толщу воды. То ли ему было невыносимо тошно в ее обществе, то ли он попросту удирает — она так и не поняла. Обе вероятности казались равно невыносимыми. Как же так? Возвращенная память должна была наполнить его душу радостным осознанием предназначения. Откуда же это яростное отчаяние?

— Погоди! — крикнула она ему вслед. Но угрюмые, сумеречные глубины уже проглотили белого змея. Неуклюже извиваясь, она последовала было за ним, понимая, что ей не по силам мериться с ним быстротой. — Не может быть, чтобы мы безнадежно опоздали! И потом, мы все равно должны попытаться!

Но слова были бессильны. Доброловище оставалось пустым.

Итак, он бросил ее. Она вновь осталась одна. Нет, она не могла с этим смириться. Неловко двигаясь, она все-таки плыла вперед, широко раскрыв пасть в поисках запаха, отмечавшего след белого змея. Увы, этот запах становился все слабее, пока окончательно не рассеялся. Белый змей был слишком быстр для нее. Вернее, она была слишком медлительной. Куда ей, калеке, за кем-то гоняться!

Отчаяние было едва не болезненной прилива ядов в переполненных железах. Она вновь попробовала воду.

Никакого следа.

Она поплыла зигзагами, с каждым разом стараясь захватывать все больше пространства и усердно принюхиваясь... Наконец-то она учуяла слабенький след, и все ее сердца так и подпрыгнули, исполняясь решимости. Она что было сил заработала хвостом, пытаясь все-таки догнать беглеца.

— Постой! — протрубила она. — Пожалуйста, погоди! Мы с тобой — единственная надежда нашего племени! Выслушай меня! Ты должен меня выслушать!

Знакомый запах неожиданно сделался гуще. *Единственная надежда нашего племени...* Эта мысль донеслась к ней сквозь толщу воды, точно смутное эхо. Так, будто слова были не высказаны должным образом, в воду, а скорей выдохнуты в тонкий воздух Пустоплеса. Но Той, Кто Помнит, хватило и этого призрачного ободрения.

— Я иду к тебе! — вслух пообещала она, продолжая со всем упорством продвигаться вперед.

Но когда она вплотную приблизилась к источнику запаха, ей не удалось рассмотреть поблизости ни единого живого создания. Лишь вверху, над ее головой, скользил у самой поверхности серебряный корпус странного корабля.

Часть первая
КОНЕЦ ЛЕТА

Глава 1

ДОЖДЕВЫЕ ЧАЩОБЫ

Малта вновь и вновь погружала самодельное весло в поблескивающую воду, с каждым гребком посылая маленькую лодку еще немного вперед. Весло представляло собой всего-навсего кедровую досочку, и, переноса ее с борта на борт, Малта неизменно хмурилась при виде капель, неизбежно падавших внутрь лодки. С этим, увы, ничего поделать было нельзя. Кроме несчастной досочки, у нее все равно ничего подходящего не было, а грести лишь с одного борта значило беспомощно вертеться кругами. Несомненно, ядовитые капли из-за борта так и въедались в днище под ногами, но Малта строго-настрого запретила себе думать об этом. Лучше надеяться, что чуточка воды из Дождевой реки не успеет сделать особой беды. Еще следовало крепко верить, что белый, словно из порошка состоящий металл на внешней поверхности лодки убережет ее от разъедающего действия воды... хотя кто мог в том поручиться?

Малта решительно отмела подобную мысль. В конце концов, плыть было не так уж и далеко.

В ее теле не осталось ни единой жилки и косточки, которые бы не болели. Она трудилась всю ночь напролет, стараясь добраться сама и доставить своих спутников в Трехог. Каждое усилие заставляло измочаленные мышцы жаловаться и стонать. «Немного осталось», — в который раз повторила она про себя, как заклинание. Немного-то немного — но вот двигались они мучительно медленно. Голову Малты раскалывала тошнотворная боль, но хуже всего, пожалуй, был зуд на лбу, где подживал глубокий рубец. Вот так всегда. Почему свербеть и чесаться начинает именно там и тогда, когда нет ну никакой возможности почесаться?

Она осторожно вела крохотное суденышко между громадными стволами и змеящимися корнями деревьев, составлявшими прибрежные плавни Дождевой реки. Здесь, под покровом влажного леса, звезды в ночном небе казались принадлежностью иного и не

вполне реального мира — так редко их удавалось увидеть. Малту вели сквозь чащу далекие огоньки совсем другого рода. Далеко впереди горели светильники всякого города на деревьях — Трехога. Они сулили путникам тепло и безопасность, а главное — ох! — отдых.

У подножия гигантских деревьев еще лежала глубокая тень, но по вершинам уже начали перекликаться птицы, а это означало, что на востоке уже занималась заря. Сюда, вниз, солнечный свет доберется еще очень не скоро, да и тогда это будут всего лишь отдельные лучи в темно-зеленых сумерках, мало напоминающих день. И только там, где пролегли протоки пошире, молочно-белая вода станет переливаться серебром на ярком свету.

Нос лодки уткнулся в невидимый затопленный корень и застрял. Опять! Малта закусил губу, чтобы не взвыть от досады. И без того пробираться по лесным плавням было все равно что отыскивать путь в сложном запутанном лабиринте, где половина препятствий еще и скрыта от глаз. И приходилось то и дело сворачивать, потому что на пути оказывались бесконечные корни или груды плавника, принесенного течением. Теперь ей чудилось, что огни впереди (начинавшие к тому же еще и меркнуть) были едва ли ближе, чем в начале опасного плавания. Малта пересела на банку¹ и перегнулась на борт — ощупать веслом бессовестную корягу. Потом, кряхтя от натуги, уперлась и высвободила лодку. Вновь погрузила досочку в воду, и суденышко двинулось, обходя затаившуюся препону.

— Почему бы тебе не выгresti вон туда, где деревья пореже? — поинтересовался сатрап.

Верховный властитель всея Джамелии, и прочая, и прочая сидел на корме, поджав колени к самому подбородку. Его Сердечная Подруга по имени Кикки, снедаемая страхом, съежилась на носу.

Малта даже не повернула головы.

— Когда тебе, — холодно проговорила она, — изволит прийти желание взять доску и помочь грести либо править, вот тогда и будешь давать ценнейшие указания. Которые я, может быть, и послушаю. А до тех пор — не заткнулся бы ты, а?

По правде сказать, ее уже блевать тянуло от напыщенной власти мальчишки-сатрапа. Помноженной на его полную непригодность к какому-либо полезному делу.

¹ На банке, банка — здесь: скамейка для гребца.

— Но ведь дураку ясно, что там гораздо меньше препятствий, — не унимался владыка Джамелии. — Мы могли бы плыть намного быстрее!

— Ага, намного, — ядовито хмыкнула Малта. — Аж прямо во весь дух. Особенно если нас подхватит течение да вынесет на стремнину, в главное русло.

Сатрап испустил мученический вздох.

— Город находится ниже по течению, а стало быть, течение будет нам помогать. Почему не воспользоваться? Я смог бы прибыть туда, куда желаю, со всей быстротой!

— Ну да, — устало кивнула Малта. — Со свистом мимо города — и прямо в море.

— А далеко еще? — жалобно захныкала Кикки.

— Сама посмотри и прикинь, — огрызнулась Малта.

Она как раз переносила весло с борта на борт, и капля воды все-таки угодила ей на колено. Сперва было щекотно, потом начало болезненно жечь. Улучив мгновение, Малта промокнула пострадавшее место краешком изодранной юбки. На теле осталась грязная глинистая полоса. Платье было сплошь в земле после неопишуемой ночи, проведенной в комнатах и коридорах погребенного города Старших. Неужели все это происходило лишь сутки назад? Невозможно поверить. Столько всего разного произошло, что хватило бы на добрых три года. Малта пробовала восстановить последовательность событий, но в памяти царила ужасающая мешанина. Она отправилась в туннели, чтобы дать бой драконице и заставить вредную тварь оставить Рэйна в покое. Но почти сразу началось землетрясение, а когда она все-таки разыскала драконицу... Вот с этого момента пошла безнадежная путаница. Лежа в своем коконе, драконица внедрила в сознание Малты весь груз воспоминаний, вместившем которых являлся обширный чертог. Малта прожила жизни всех, кто когда-либо здесь обитал, и едва не захлебнулась в их воспоминаниях. И не могла четко припомнить ничего из случившегося потом — до того момента, когда ей удалось вывести сатрапа и его Сердечную Подругу из рушившихся лабиринтов наружу. Все было точно во сне. Все казалось ей теперь наваждением.

И кстати, только теперь до нее начало доходить, что торговцы Дождевых чащоб прятали там сатрапа и Кикки, чтобы их защитить.

«Действительно? В самом деле?..» Малта мельком посмотрела на Кикки, скукожившуюся на носу. Эти двое были бережно охра-

няемыми гостями — или все-таки, скорее, заложниками? Надобно думать, решила она наконец, тут было того и другого понемножку. Во всяком случае, ее личные симпатии были полностью на стороне жителей Чащоб. А стало быть, чем раньше она передаст им с рук на руки сатрапа и Кикки, тем оно и лучше. Заложники или гости — эти двое всяко были полезным козырем на переговорах с чванливыми вельможами Джамелии, «новыми купчиками» и калсидийцами. Что греха таить! Впервые повстречавшись с ним на балу, она была ненадолго ослеплена исходящим от него иллюзорным ощущением власти. Да, именно иллюзорным. Внутри блестящей конфетной обертки оказался никчемный, корыстный, насквозь продажный мальчишка. Сбагрить его с рук поскорее — да и вздохнуть спокойно!

Она вновь пригляделась к огонькам, призывно мерцавшим впереди. Выведя сатрапа и Кикки из гибнувшего города Старших, она обнаружила, что их занесло весьма далеко от того лаза, которым она проникла в туннели. Трехог лежал за обширным топким болотом пополам с речными отмелями, заросшими лесом. Малте пришлось ждать темноты и путеводных огоньков города — только тогда решилась она покинуть берег в суденышке не менее древнем, чем засыпанные землею руины. Теперь дело шло к рассвету, а она все гребла и гребла к городским огонькам. И трепетно надеялась, что злополучное и рискованное путешествие подходит-таки к концу.

А что ей еще оставалось?

Город Трехог зиждился на ветвях и сучьях чудовищных деревьев. Маленькие жилища попросту раскачивались в воздухе, подвешенные на верхушечных ветках. Обширные семейные обиталища устраивались ниже и простирались от ствола до ствола, там, где никакая непогода не могла их поколебать. Сами стволы были обвиты бесконечными лестницами, на которых хватало места и мелким торговцам-лоточникам, и менестрелям, и нищим. Земля же между корнями деревьев несла в себе двойное проклятие: непролазную болотистость, к тому же ядовитую, и близость к местам, где зарождались землетрясения. Правду сказать, имелось и несколько сухих мест. Все это были крохотные островки у основания непомерных стволов.

Малта направляла лодку вперед, и огромные деревья, среди которых приходилось лавировать, временами казались ей колоннами в храме какого-то давно забытого бога. Вот суденышко в очередной раз наскочило на что-то и снова засело. Вода плескала об это что-то, и не было похоже, что они налетели на корень.

— Что там? — спросила Малта, вглядываясь вперед.

Кикки даже не соизволила повернуть голову и посмотреть. Так и сидела, обхватив руками колени. Кажется, она даже боялась спустить ноги на деревянные полки. Малта только вздохнула. Мысль о том, что у Сердечной Подруги что-то не в порядке с головкой, уже не впервые посетила ее. Может, девка сбрендила от слишком сильных вчерашних переживаний? А может (тут Малта про себя покривилась), она отродясь была глуповата и потребовались время и обстоятельства, чтобы это во всей красе проявилось? Ладно. Малта положила досочку, служившую ей веслом, и, низко пригнувшись для равновесия, перебралась на нос. Лодка закачалась, отчего Кикки и сатрап в один голос испуганно вскрикнули. Малта не обратила на их дружный взвизг никакого внимания. Ей удалось рассмотреть, что лодка въехала носом в плотную путанку из прутьев, травы и всякого мусора, принесенного течением. В потемках не удавалось лишь оценить, далеко ли все это простиралось и можно ли прорваться или лучше обогнуть. Да, похоже, течение натащило сюда многовато всякой всячины, устроив целую плавучую запруду, слишком толстую, чтобы лодочка могла раздвинуть ее силой.

— Пойдем в обход, — сообщила она своим спутникам, но сама в сомнении прикусила губу.

Идти в обход означало опасно приблизиться к главному руслу и его беспощадным стремнинам. Что ж... Как справедливо выразился сатрап, течение всяко понесет их к Трехогу, а не назад. Может, даже облегчит ее труд, такой тяжелый и неблагодарный. Хватит бояться! Малта вновь взялась за весло и направила лодку мимо засоренной протоки, на чистую воду.

— Нет, это невыносимо! — вдруг воскликнул сатрап Касго. — Я грязен! Меня кусают насекомые! Я голоден и страдаю от жажды! И все по вине этих ничтожных обитателей Дождевых чащоб! Которые привезли меня сюда якобы для того, чтобы укрыть от опасности! А что на самом деле? Стоило мне оказаться в их власти, как я стал жертвой бесчисленных утеснений и прямых оскорблений! Они надругались над моим величием самодержца, поставили под удар мое и без того хрупкое здоровье, да что там, даже саму жизнь! Несомненно, эти люди вознамерились сломить мой дух, но, несмотря на все тяготы, я им не поддамся! Дайте только выбраться отсюда, и они изведуют всю сокрушительную мощь моего гнева! Тем более что здешние жители, как я понимаю, устроились здесь самочинно, не потрудившись никак закрепить свои притязания перед нашим законом. Следовательно, они не имеют никаких прав ни на

эту землю, ни на те сокровища, которые с давних пор выкапывают из ее недр и продают за немалые деньги! Стало быть, они нисколько не хуже пиратов, бесчинствующих в водах Внутреннего прохода. И поступать с ними надо соответственно!

У Малты хватило дыхания насмешливо хмыкнуть.

— Что-то этот гром не из тучи, — сказала она и чуть не добавила вторую половину поговорки: «...а из навозной кучи». — На самом деле ты куда больше зависишь от их расположения и доброй воли, чем они — от твоей. Вот возьмут и продадут тебя любому, кто больше заплатит, и какая им разница, что с тобой будет дальше? Убьют, или будут в заложниках держать, или на трон обратно посадят — им-то что за печаль? А что касается прав и закона... Их право жить здесь подтверждено установлением самого сатрапа Эсклеписа, твоего предка. Изначальная хартия, дарованная первым торговцам Удачного, определяла лишь размер участка земли, который каждый мог взять для себя, но не место его расположения. Вот жители Чащоб и решили застолбить себе владения именно здесь. А мы — у себя на берегу залива. Те и другие участки существуют издревле, это право свято чтят, а кроме того, оно очень хорошо обеспечено законодательством Джамелии. В отличие, кстати, от притязаний «новых купчиков», которых по твоей милости за последнее время тут у нас развелось...

Некоторое время оба высокопоставленных пассажира потрясенно молчали. Потом сатрап выдавил сухой смешок.

— Как забавно, — сказал он, — слышать такие речи в их защиту, да еще от тебя! Малолетняя неотесанная деревенщина! Видела бы ты себя! Грязная, как я не знаю что, одетая в ужасные тряпки... да и мордашку тебе эти повстанцы навсегда изуродовали. А ты еще за них заступаешься! С чего бы? Дай угадаю. Должно быть, ты понимаешь, что ни один приличный и здоровый мужчина никогда уже не пожелает тебя. Значит, твоя единственная надежда — выскочить замуж за одного из этих уродцев, для которого ты, верно, сойдешь за красавицу... и спрятаться за вуалью, чтобы никто больше не видел твоего безобразия. Что ж, разумно! Пожалуй, если бы не все эти глупости с восстанием, я даже выбрал бы тебя в Сердечные Подруги. Помнится, Давад Рестар неплохо о тебе отзывался, да и мне твои жалкие потуги танцевать и вести разговор показались даже трогательными в их бесконечной провинциальности. Но теперь? Пфуй! — Лодочка даже покачнулась лишний раз, так энергичен был его презрительный жест. — Что может быть отвратительней

Оглавление

Пролог. Та, Кто Помнит	13

Часть первая КОНЕЦ ЛЕТА

Глава 1. Дождевые чащобы	23
Глава 2. Торговцы и торгоши	44
Глава 3. Уинтроу	74
Глава 4. Полет Тинталы	96
Глава 5. А не податься ли нам в пираты?	109
Глава 6. Сама себе хозяйка	133
Глава 7. Корабль-дракон	174
Глава 8. Повелители трех стихий	199
Глава 9. Первая битва	224
Глава 10. Против кого дружим?	255
Глава 11. Тела и души	279

Часть вторая ЗИМА

Глава 12. Союзы	305
Глава 13. Наука выживания	332
Глава 14. Делипай	368
Глава 15. Корабль-змея	404
Глава 16. Тинталья заключает сделку	424
Глава 17. Переговоры в Удачном	446
Глава 18. Долг и верность	473
Глава 19. Далеко идущие планы	503
Глава 20. Пленники	522
Глава 21. Совершенный из рода Ладлаков	541

Глава 22. Воссоединение семьи	581
Глава 23. Полеты	608
Глава 24. Торговец Вестрит	628
Глава 25. Перестройка	643
Глава 26. Ухаживание	655
Глава 27. Ключ-остров	678
Глава 28. Драконьи сны	696
Глава 29. Женщины Кеннита	711
Глава 30. Все сходится	741
Глава 31. Высокие ставки	761
Глава 32. Ультиматум	778
Глава 33. Корабль судьбы	801
Глава 34. Все спасены	824
Глава 35. Трудные решения	844
Глава 36. Тайны	863
Глава 37. Воля драконицы	881

Часть третья
ВЕСНА

Глава 38. Столица	905
Глава 39. Удачный	924
Глава 40. Дождевая река	932
Эпилог. Преображение	955